

Огромная стая птиц затянула всё небо. Гун Чао поспешил укрыться под кроной дерева и спросил у Луань Линя:

— Слушай, а их поймать и съесть можно? — Если бы это удалось, проблема с едой на сегодня была бы решена.

— Хочешь узнать, каково это — вычищать птичий помёт из собственных перьев клювом? — хмыкнул Луань Лин. — Настоящая птица-секретарь, может, и решилась бы на такое, но если ты сделаешь это, я начну уважать тебя пуще прежнего.

Он тихонько рассмеялся, глядя на кружащиеверху мириады пернатых. Птиц было так много, что их живое облако вырисовывало на небе причудливые узоры.

Гун Чао передёрнуло от отвращения. Мысль о том, чтобы броситься в гущу стаи и устроить там охоту, мгновенно улетучилась.

— К тому же эти пичуги на удивление агрессивны, — добавил Луань Лин. — Известны случаи, когда сотни тысяч таких птиц заживо забивали слона.

— Обалдеть. Не думал, что эта мелочь на такое способна, — изумился Гун Чао.

Луань Лин кивнул:

— Ну что, всё ещё хочешь с ними связаться?

— Избавь бог. Лучше доем то, что уже поймал. — Гун Чао бросил на землю цветного бекаса, которого до этого держал в клюве, и принялся ловко разделять тушку, отрывая куски мяса острым надклювьем.

Зрелище вышло кровавадным, но Луань Лин, понаблюдав за трапезой какое-то время, не почувствовал брезгливости. Напротив, он тут же шутливо поинтересовался ощущениями напарника:

— Ну и как тебе первобытная жизнь? Какова сырая птица на вкус?

— Думаешь, птичий язык способен разобрать тонкие оттенки вкуса? — отозвался Гун Чао. — На самом деле ничего особенного. Просто проглатываешь что-то прохладное и склизкое, даже жевать толком не надо.

Сначала его самого корбило от мысли о сыроедении, но, видимо, животные инстинкты взяли своё: еда заходила на удивление легко, без какого-либо намёка на тошноту.

Краем глаза следя за обстановкой в саванне, он быстро покончил с добычей, оставив лишь кости и потроха. Расправившись с обедом, Гун Чао скосил глаза назад и обнаружил, что сидевший на его спине тушканчик уже свернулся в пушистый комок и крепко спал.

Малыш прижимал крошечными лапками свой длинный хвост, зажмурив глазки-бусины, умильно причмокивал во сне и забавно подёргивал тонкими усиками.

«До чего же милый, — подумал Гун Чао, невольно смягчаясь. — Будь у меня время в реальной жизни, обязательно завёл бы себе такого». С этой мыслью он постарался двигаться как можно плавнее, чтобы не потревожить сон крохи.

Луань Лин спал без задних ног. Даже когда Гун Чао, устроив засаду у норы, ловко сцапал двух высунувшихся грызунов, парень даже не пошевелился.

Когда Гун Чао осторожно сжал его клювом, возвращая в реальность, Луань Лин долго не мог сообразить, где находится. Первой его сонной мыслью было, что пора идти умываться и чистить зубы.

Лишь уставившись на гигантскую, словно из фантастического фильма, птичью голову и собственную «постель» из перьев, он вспомнил, в какой переплёт угодил. Привычный мир остался далеко позади, а сам он застрял в этой жуткой и странной игре под названием «Пищевая цепочка».

Гун Чао с улыбкой посмотрел на застывшего с приоткрытым ртом Луань Линя, который выглядел крайне заторможенным.

— Всё ещё спишь на ходу? Если хочешь, подрейфуй ещё немного. Но уже темнеет, пора перебраться на дерево. Ты ведь сегодня ещё ничего не ел?

— Точно! Я же голодный как волк!

Луань Лин быстренько соскочил на землю, наспех набил брюшко какими-то семенами и корешками, после чего забрался обратно на широкую птичью спину, чтобы нести ночную вахту.

Так, в однообразных заботах, пролетела неделя. Все эти семь дней они исследовали окрестности, добывали пропитание и изо всех сил старались не попасться в лапы крупным хищникам.

За это время Луань Лин умудрился выбесить Гун Чао добрых два десятка раз. Пару раз мужчина всерьёз выходил из себя и в наказание оставлял неугомонного зверька висеть на ветке.

Сейчас в саванне в самом разгаре был сезон размножения. На каждом шагу напарники натыкались на брачные игры, ухаживания, а то и на сам процесс спаривания местных обитателей.

Луань Лин при виде подобных сцен приходил в неописуемый восторг. Он тут же принимался прыгать и выдавать нескончаемый поток лекций по зоологии, увлечённо расписывая анатомические особенности детородных органов различных зверей, их размеры и способы применения.

— Уверен, когда-нибудь тебя арестуют за распространение непристойностей, — вздыхал Гун Чао, глядя на раскачивающегося на ветке Луань Линя. Поневоле слушая этого мелкого паршивца, он ловил себя на том, что начинает визуализировать все эти подробности, от чего у него буквально закипали мозги.

В общем, выслушивать эти пошлые бредни у него больше не было никаких сил.

— Пи-пи-пи! — верещал Луань Лин, преданно хлопая глазками в попытках разжалобить сурового напарника.

Но Гун Чао проявил завидную стойкость. Он хладнокровно оставил тушканчика на дереве и ушёл охотиться в траву. Лишь когда бедолага знатно прожарился на ветру и солнце, едва не превратившись в вяленую тушку, Гун Чао смиловился и снял его.

— Рот на замке, — скомандовал Гун Чао, аккуратно ссаживая его на землю клювом. — Иди поешь.

Луань Лин, мгновенно раскаявшись, ласково потёрся о длинную ногу птицы и покорно потрусил к ближайшей лужице — пить воду и жевать сочную траву.

Когда тушканчик молчал и просто мирно ел, он выглядел невероятно трогательно. Гун Чао заворожённо наблюдал, как зверёк острыми резцами методично подтачивает стебель травы, пока тот полностью не исчезает в его пасти, отчего крошечные щёки надуваются, как у хомяка.

Какая же всё-таки прелесть! Вот только в теле этого милейшего создания ютился на редкость несносный и развратный тип. Из-за этого жуткого контраста Гун Чао раз за разом ловил себя на желании прибить мерзавца, но рука — вернее, клюв — никак не поднималась.

Мужчина тяжело вздохнул, сам не понимая, о чём сокрушается больше: о невыносимом характере Луань Линя или о собственной мягкотелости.

Прошла неделя, и Огненный круг сжался ещё на добрый десяток километров, причём скорость его стягивания неуклонно росла.

Они уже несколько раз чудом разминулись со смертоносными хищниками, но с каждым днём плотность зверей на уцелевших клочках земли росла, и нежелательные встречи происходили всё чаще. Похоже, совсем скоро им придётся столкнуться с леопардами и львами лицом к лицу.

Ближе к концу этапа станет по-настоящему жарко. Гун Чао понимал, что ему кровь из носу нужно подыскать для Луань Линя надёжное убежище, спрятать его там, а самому уйти.

Птица-секретарь — слишком заметная мишень, причём не обладающая выдающимися боевыми навыками. Для здешних свирепых хищников он представлял собой идеальную добычу. Шансы оказаться в чьих-то зубах росли с каждой минутой.

Но подставлять Луань Линя он не собирался. Видеть, как парня заживо разрывают на куски, было бы невыносимо. Пацану всего девятнадцать, пускай лучше отсидится в безопасности.

Словно почувствовав его мрачные мысли, увлечённо жующий Луань Лин внезапно замер и уставился на Гун Чао.

На душе у Гун Чао сделалось как-то не по себе. Скрывая неловкость, он легонько подтолкнул тушканчика клювом:

— Ешь быстрее! Не то брошу тебя здесь одного и улечу.

Луань Лин покачнулся от толчка, а его чуткие длинные ушки мгновенно встали торчком.

Отшвырнув недоеденный стебелёк, он отчаянными прыжками рванул к ногам птицы-секретаря и вцепился крошечными лапками в её цевку — точь-в-точь как при их первой встрече.

— Не бросай меня! Обещаю, я больше не буду дурачиться, честно!

Юношеский, ещё слегка детский голосок звучал так жалобно, что у Гун Чао защемило сердце. На секунду ему даже показалось, будто он совершает какое-то предательство, словно трусливо бросает собственную семью на произвол судьбы.

Впрочем, он быстро взял себя в руки. Это делалось исключительно ради спасения Луань Линя. На исходе месяца глухая нора станет для этого крошечного зверька единственным шансом выжить.

Приняв решение, Гун Чао всё же ощутил укол совести.

Он наклонился, бережно подхватил тушканчика клювом и пересадил к себе на спину.

— Ладно, проехали. Только не болтай без умолку. Твой трёп мешает мне следить за шорохами в траве, уяснил?

— Всё понял, Лао Гун! — мгновенно повеселел Луань Лин, ничуть не боясь, что за такое панибратство его действительно могут сбросить с высоты.

«Неисправим. Горбатого могила исправит», — мысленно вздохнул Гун Чао, расправляя крылья. Ладно, пускай зовёт как хочет, в конце концов, звучит забавно.

Сытая птица-секретарь взмыла в воздух и привычно понесла своего маленького пассажира к облюбованной акации. С вершины дерева открывался вид на далёкий горизонт, где уже отчётливо виднелась зловещая Огненная стена.

Совсем скоро огонь погонит их дальше, и тогда наступит время прощаться.

С этими мыслями Гун Чао устроился на ветке поудобнее и прикрыл глаза.

Однако стоило ему по-настоящему расстаться с этим несносным мальчишкой, как все его разумные доводы и планы полетели к чертям.

Этой же ночью на раскидистой акации они впервые столкнулись лицом к лицу с теми, для кого крупная птица была лишь лакомым куском мяса. Два леопарда, бесшумно скользя в ночной темноте, выследили спящую на ветке птицу-секретаря.

Хищники двигались абсолютно бесшумно, а Луань Лин, лишённый ночного зрения в этой ипостаси, даже не заподозрил неладное.

Когда Гун Чао почувствовал, как резко вздрогнула ветка под его ногами, было уже поздно. Из темноты на него стремительно бросился леопард, оскалив клыки.

<http://bllate.org/book/18183/1748427>